

ВОСЬМЕРКА МЕЧЕЙ

Убийца оставляет визитную карточку

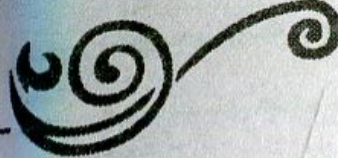
Епископ подошел к столу и осмотрел мертвеца. Смерть наступила мгновенно: на лице Демпинга застыло самодовольное выражение, губы растянулись в высокомерной улыбке, мертвый взгляд вперился в окно. Глаза были открыты, пенсне — все еще на носу.

Из-под пальцев убитого епископ извлек карточку — квадратик, вырезанный из глянцевой бумаги. На ней тушью были нарисованы контуры восьми мечей, рукояти которых раскрасили черным, а лезвия серым: контур заполняли акварелью. Мечи сходились к центру, образуя звезду, которую пересекала синяя линия, судя по всему символизировавшая воду.

— Если доктор Фелл и правда знает, что это значит... — в своей обычной бесцеремонной манере начал епископ...

Немногие сюжеты способны захватить мое воображение, но загадки мистера Карра всегда ставят меня в тупик.

Агата Кристи

Глава 1

СТРАННОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЕПИСКОПА

Старший инспектор Хэдли пришел этим утром в офис в благостном расположении духа. Во-первых, дьявольская августовская жара прошлым вечером наконец отступила. После двух недель, во время которых небо, казалось, раскалилось, а на улицах воздух дрожал от зноя, на землю обрушился поток дождя. Хэдли в эти дни сидел у себя дома в Ист-Кройдоне и писал мемуары, пыхтя сигаретой и опасаясь, что многое в его книге может показаться бахвальством. Начавшийся дождь привел его в чувство. Хэдли подумал, что его вовсе не волнует новая полицейская реформа. Через месяц он все равно выйдет на пенсию. Фигурально выражаясь, он мог расстегнуть воротник — именно фигурально выражаясь, потому что инспектор Хэдли был не из тех, кто позволяет себе расстегнутые воротники. К тому же миссис Хэдли переполняли амбиции, поэтому уже через месяц после отставки рукопись должна была оказаться в руках издателей Стэндиша и Берка.

Ливень охладил пыл инспектора. По привычке он заметил, что дождь начался в одиннадцать часов, и со спокойной душой лег спать. Следующим утром было тепло, но не жарко, и Хэдли пришел на работу в Скотланд-Ярд, готовый поверить, что ничего плохого грядущий день не готовит.

Но, увидев то, что лежит у него на столе, инспектор удивленно выругался. И его раздражение лишь возросло, после того как он поговорил по телефону с заместителем комиссара.

— Я знаю, что это не работа для Скотланд-Ярда, Хэдли, — сказал ему чиновник, — но я надеялся, что вы что-нибудь предложите. Я и сам не знаю, что с этим делать. Стэндиш показался мне человеком благопристойным...

— Что я хочу выяснить, сэр, — прервал его старший инспектор, — так это то, *в чем же*, собственно, дело? На моем столе лежат какие-то заметки о епископе и «полтергейсте». Что бы это...

На другом конце телефонной линии послышался вздох.

— Я и сам не знаю, — признался заместитель комиссара. — Знаю лишь, что это касается епископа Мэпплхэмского. Большая шишка, как я понимаю. Он проводил отпуск в имении полковника Стэндиша в Глостершире. Говорят, он переутомился, занимался какой-то кампанией против преступности или чем-то в этом роде...

— И что же, сэр?

— Стэндиша беспокоит его самочувствие. Он утверждает, что видел, как епископ съезжал по перилам.

— Съезжал по перилам?

На другом конце линии послышался приглушенный смешок.

— Хотел бы я на это поглядеть, — задумчиво пробормотал собеседник инспектора. — Стэндиш, похоже, убежден, что тот... м-м-м... что у епископа не все дома, так сказать. Это произошло на следующий день после того, как объявился полтергейст...

— Не могли бы вы поведать мне все с самого начала, сэр? — предложил Хэдли, вытирая со лба пот, и попытался просверлить телефонный аппарат взглядом. — Тот факт, что священник сходит с ума и съезжает по перилам в Глостершире, едва ли входит в компетенцию Скотланд-Ярда.

— Лучше пусть епископ расскажет вам об этом сам. Этим утром он собирался зайти к вам, знаете ли... Если кратко, то вот что я понял. На «Ферме» — так зовется за-

городное поместье Стэндиша — есть комната, в которой, как полагают, обитает полтергейст. Полтергейст — это по-немецки «шумный дух». Прочитал в энциклопедии. Призрак, который бьет фарфор, заставляет стулья летать и занимается прочими подобными вещами. Понимаете?

— О господи, — выдохнул Хэдли. — Да, сэр.

— Этот полтергейст много лет не подавал признаков жизни. Но позавчера вечером, когда на «Ферме» обедал преподобный Примли, викарий прихода, расположенного неподалеку...

— Еще один священник? Да, сэр. Продолжайте.

— ...он опоздал на автобус домой. У шофера Стэндиша в тот день был выходной, поэтому викарий остался ночевать на «Ферме». О полтергейсте не вспомнили, так что викария случайно разместили в той самой проклятой комнате. И вот примерно в час ночи пробудился дух. Он сбил со стен пару картин, помахал кочергой — не знаю всех подробностей. В конце концов когда напуганный викарий принялся молиться за свою жизнь, со стола слетела чернильница и ударила его в глаз. Викарий завопил и разбудил весь дом. Стэндиш ворвался в комнату с пистолетом наголо, а за ним и остальные. Это были красные чернила, поэтому сначала все решили, что произошло убийство. Затем во время переполоха кто-то выглянул в окно и увидел, как он стоит на крыше в одной ночной сорочке...

— Кто стоит?

— Епископ. В ночной сорочке, — объяснил заместитель комиссара. — Его было видно в лунном свете.

— Как скажете, сэр, — послушно ответил Хэдли. — И что же он там делал?

— Ну, он утверждал, что заметил вора, притаившегося в кустах герани.

Хэдли откинулся на стуле, задумчиво уставившись на телефонный аппарат. Почтенный Джордж Беллчестер

не вполне соответствовал занимаемой должности заместителя комиссара столичной полиции. Хотя как чиновник он был весьма компетентен, к своим обязанностям относился несколько легкомысленно, к тому же обладал привычкой путано излагать факты. Хэдли прокашлялся, помолчав немного.

— Осмелюсь предположить, сэръ, что вы меня разыгрываете, — заметил он.

— Что? Господи боже, нет же! Слушайте. Я, кажется, упомянул, что епископ Мэпплхэмский занимался всесторонним изучением проблемы преступности, хотя плоды его исследований еще не попадали мне в руки. Насколько я помню, он написал на эту тему книгу. Как бы то ни было, он утверждал, что видел человека, крадущегося мимо кустов герани. Он говорил, что этот человек спустился с холма и шел в направлении домика для гостей, в котором живет старик-ученый по имени Демпинг...

— Какой человек?

— Ну, этот вор. Его имя не упоминалось, но епископ заявил, что это известный преступник. Его — епископа — разбудил шум. Наверное, это был грохот в комнате с полтергейстом — ну, *он* так сказал. Он подошел к окну и там, на лужайке, увидел человека. Тот обернулся, и епископ говорит, что в лунном свете хорошо рассмотрел его лицо. И вот епископ вылез через окно на крышу...

— Зачем?

— Я не знаю, — раздраженно ответил Беллчестер. — Вылез и вылез. Вор убежал. Но епископ теперь убежден, что опасный преступник шныряет вокруг «Фермы», намереваясь совершить злодеяние. Он, похоже, весьма грозен, Хэдли. Настоял на том, чтобы Стэндиш позвонил мне и мы что-нибудь предприняли по этому поводу. Стэндиш же в свою очередь думает, что епископ рехнулся. Особенно после того, как епископ напал на одну из служанок...

— *Что?!* — вскричал Хэдли.

— Это правда. Стэндиш сам это видел, а с ним дворецкий и сын Стэндиша.

Беллчестер, похоже, наслаждался этой историей. Он был из тех людей, которые могли, откинувшись в кресле, болтать по телефону сколь угодно долго. Хэдли так не умел. Он предпочитал общаться лицом к лицу, и долгие телефонные разговоры его раздражали. Но непохоже было на то, что заместитель комиссара собирается прощаться.

— Вот как это случилось, — продолжил Беллчестер. — Судя по всему, у этого пожилого ученого, Деппинга, — того, что поселился в домике для гостей, — есть дочь, или племянница, или еще какая-то там родственница, живущая во Франции. А у Стэндиша есть сын. В результате вынашиваются матримониальные планы. Молодой Стэндиш как раз вернулся из Парижа, где они с девушкой присматривались друг к другу. И вот он рассказывает о поездке своему отцу в библиотеке, просит благословения и все прочее. Он многословно повествует о том, как епископ Мэпплхэмский соединит их святым таинством брака у алтаря, в то время как пол в церкви будет устлан лепестками роз, и вдруг оба слышат дикие крики в коридоре. Они бегут туда и видят, что епископ, в шляпе и гамашах, повалил одну из служанок на стол...

Хэдли выразительно прокашлялся. Он был примерным семьянином, да и к тому же опасался, что разговор слушает кто-нибудь еще.

— О нет, ничего такого, — успокоил его Беллчестер. — Хотя это весьма загадочная история. Он схватил девушку за косу, стал дергать за волосы. Сыпал угрозами — совсем не по-епископски. Так мне сказал Стэндиш, и он был весьма взволнован. Полагаю, епископ решил, что на бедной девушке был парик. В любом случае он пообещал

Стэндишу позвонить мне и договориться о встрече с кем-нибудь из Скотланд-Ярда.

— Он придет сюда, сэр?

— Да. Хэдли, сделайте мне одолжение и поговорите с ним, хорошо? Полагаю, это успокоит его преподобие. Этим мы обяжем Стэндиша, да и со священнослужителями лучше быть в хороших отношениях. К тому же вы ведь знаете, что Стэндиш — один из партнеров в издательстве, в котором вы собираетесь публиковать мемуары?

Хэдли задумчиво погладил подбородок.

— Х-м-м... — сказал он. — Нет. Нет, этого я не знал. Я встречался только с Берком. Что ж...

— Замечательно, — одобрительно произнес Беллчестер. — Значит, вы с ним встретитесь? Удачи вам.

И заместитель комиссара повесил трубку. Хэдли скрестил руки на груди. На его лице промелькнуло суровое выражение смирения с судьбой. Пробормотав несколько раз «полтергейст!», он задумался о том, какие же мрачные дни наступили для столичной полиции, если старшему инспектору отдела криминальных расследований приходится тратить время на выслушивание лепета сбрендившего епископа, который катается по перилам, нападает на служанок и швыряет в викариев чернильницы.

Впрочем, через некоторое время старший инспектор даже стал находить ситуацию забавной. На его губах под ухоженными седыми усами заиграла улыбка, и Хэдли принялся насвистывать веселую мелодию, перебирая утреннюю почту. Он погрузился в сентиментальные воспоминания о тридцати пяти годах службы в органах правопорядка, о злодеях, которым довелось побывать в этой скудно обставленной комнате с коричневыми стенами и окнами, выходящими на набережную Виктории, о том, сколько чуши было в этих стенах произнесено. Каждое утро инспектор брился у себя дома в Ист-Кройдоне, целовал жену, просматривал утрен-

нюю газету (которая всегда находила способ испортить ему настроение, повествуя если не об угрозе со стороны Германии, то о плохой погоде), ехал на поезде до станции Виктория и приступал к работе — будь то расследование убийства или поиск пропавшей собаки. Он погружался в деловую суету — и каждому преступнику приходилось платить по счетам. Всегда...

В дверь постучали.

— Войдите, — сказал Хэдли.

В дверях показался констебль, пребывающий в явном смятении чувств. Он остановился на пороге и откашлялся.

— Тут пришел джентльмен... — сообщил он таким тоном, будто это было дедуктивное умозаключение. — Джентльмен...

Констебль положил на стол перед инспектором визитную карточку.

— Мхм... — отозвался старший инспектор, поглощенный чтением рапорта. — И чего же он хочет?

— Думаю, вам лучше самому с ним поговорить, сэр.

Хэдли бросил взгляд на визитную карточку, на которой значилось:

Доктор Сигизмунд фон Хорнсфоггель, Вена.

— Лучше вам самому с ним поговорить, — настойчиво повторил констебль. — Он психоанализирует всех подряд, кого достанет. Сержант Беттс спрятался от него в архиве и заявил, что не выйдет, пока этот джентльмен не уберется отсюда.

— Послушайте, — сердито сказал Хэдли, повернувшись в своем вращающемся кресле. — Сегодня что, все решили со мной шутки шутить? Что значит «кого достанет»? Почему вы просто его не выгоните?